

МЫ НИКОМУ НИЧЕГО НЕ ДОЛЖНЫ

Еще раз о возврате культурных ценностей

Кубицкая Елена. — 2000. — 10 июля. — с. 13

Ирина Антонова,
директор
Государственного музея
изобразительных
искусств имени
А.С. Пушкина,
член Государственной
комиссии РФ
по реституции

5 мая 1994 года

ные, вывезенные, трофейные. Причем определить их юридический статус должны не библиотеки, музеи и архивы — это должно сделать правительство. Правительство должно ясно и четко сказать, чья это собственность сегодня, в 1994 году. Это вопрос, на который я пытаюсь получить ответ в течение многих лет. Не сделана работа на уровне правовых организаций. Сейчас имеется документ, подготовленный Институтом государства и права. В нем говорится, что все, что находится в России, является федеральной собственностью России. Об этом нужно объявить во всеуслышание — не делать из этого тайны. У меня есть личная точка зрения на этот вопрос — она ни для кого не является обязательной, с ней можно спорить, но она — моя. Я исхожу из чувства правды: страна, которая потеряла в годы войны такое огромное количество культурных ценностей — я уже не говорю о людских потерях, — имеет справедливое право на какое-то возмещение этого ущерба. Помните, что было сделано в окрестностях Ленинграда,

вспомните судьбу Янтарной комнаты, вспомните изуродованные интерьеры и варварски растерзанные музеи, вспомните, сколько ценностей исчезло бесследно. Был с корнем вырезан определенный культурный пласт. И я считаю, что страна, пережившая все это, имеет право на определенную компенсацию. Не мы развязали эту войну. Мы понесли самый значительный ущерб в ней. И эта компенсация должна быть предоставлена не колготками, не «Сникерсами», не заводами даже, а именно культурным достоянием той страны, которая развязала эту войну.

Кроме того, наше преимущество заключается в том, что передача всех ценностей в наши музеи делалась по распоряжению либо союзнических войск, либо правительства, то есть официальным путем. Эти документы скреплялись печатью, и на многих из них стоит формулировка: «в счет понесенного ущерба».

Нам сейчас говорят: почему вы не предъявляете претензии, не предоставляете списков потерянных ценностей? А по каким доку-

ментам их можно восстановить? Они все были уничтожены во время грабежей.

Эти ценности поступали в частные руки и затем перепродавались. Говорят, Америка заполонена русскими музейными вещами. Немцы никого не обманывают, когда говорят — у нас ничего нет. Действительно, нет. Все продано. И возникает странная картина: то, что мы так тщательно хранили и берегли, идет нам только в ущерб.

Вероятно, мы поступили неправильно, пытаюсь долгое время скрывать, что немецкие коллекции находятся у нас в музее.

Выработанная у нас годами привычка обо всем умалчивать не пошла нам на пользу. Но то было такое время. В свое время я обращалась к нашим министрам — они не дадут мне соврать — с предложениями официально объявить о наличии у нас этих коллекций. Да, мы 50 лет их не показывали. Но все годы мы бережно хранили эти работы, над ними трудились реставраторы, они — в отличном состоянии. Главное для нас было сохранить — не испортить, не продать, не растерять. С этими картинами работали не просто реставраторы — работал Павел Корин, например.

Ирина Антонова: «Абсолютно забыто, что в годы войны мы потеряли значительно больше культурных ценностей, чем находится сейчас в российских музеях».

Фото Фреда Гринберга (НГ-фото)

Процесс передачи культурных ценностей начался не сейчас. Он шел и в 50-е, и в 60-е годы. Но это

были не правовые, а политические решения, политические акции. И я знаю, что многие извест-

ные искусствоведы — Виппер, Лазарев — были не согласны с этим. В коллекции любого музея имеются вещи, привезенные из других стран, вывезенные отсюда в результате войн. Как складывалась коллекция Лувра? Как быть с работами, вывезенными из Италии в период наполеоновских войн? А индейские коллекции в американских музеях? Как они попадали туда?

Я никого не хочу судить. Я говорю о фактах.

Конечно, сейчас начинается новый этап осмысления этой проблемы. Может быть, эта проблема должна быть вынесена на уровень ЮНЕСКО. Я абсолютно уверена, что приоритет в решении споров между нашими странами должен быть отдан правовым уложениям.

Я думаю, что хватит нам находиться в положении обвиняемых. Мы ни в чем не виноваты.

Есть договор между Россией и Германией о взаимном обмене незаконно вывезенными культурными ценностями. Но ведь именно взаимного обмена-то и не получается. Его — нет. Германия утверждает, что на ее территории наших ценностей нет — они проданы в частные коллекции. И тут начинается какая-то самодельность. То говорят, что 10% нужно отдать, а 90 — оставить. То 50 на 50. То, что ущерб нужно оплатить деньгами.

Если будет принят закон о федеральной собственности и картины и все остальные художественные ценности, находящиеся сейчас у нас на хранении, будут рассматриваться как собственность России, то, я думаю, международное одобрение такого решения должно быть. Хотя я не юрист и не могу брать на себя такую ответственность. Это просто мое личное мнение. И тогда от-

дать любую картину из этой коллекции равносильно тому, чтобы отдать «Боярыню Морозову». Отдать-то можно, но я хотела бы посмотреть на человека, который это решение подпишет. Даже из самых лучших побуждений. Даже в обмен на финансовое благополучие страны.

Но я считаю, что эти картины обязательно нужно показывать, чтобы ввести их в культурный обиход человечества, чтобы вернуть их непосредственно культуре. И наш музей предпринимает для этого немалые усилия. Я получила сейчас согласие министра культуры на показ целого ряда вещей в экспозиции музея. Мы не будем скрывать их происхождение. Пусть люди смотрят у нас в музее, пока не решен вопрос об их собственности.

В последнее время в немецкой печати — в журналах «Штерн», «Шпигель» — появилось достаточно много сенсационных, откровенно хамских статей, обрушивающихся на наш музей, на наших сотрудников, что мы-де укрываем немецкие коллекции и хотим их себе присвоить. Абсолютно забыто, что в годы войны мы потеряли значительно больше культурных ценностей, чем находится сейчас в российских музеях, архивах, библиотеках. Абсолютно забыто, что мы в течение долгих лет бережно хранили все это. В освещении этой проблемы много спекуляции, много личного, собственного интереса. Хотелось бы думать, что интерес к этой проблеме связан с национальным самосознанием и любовью к искусству, но я не уверена в этом.

Когда-то, заканчивая свою статью в «Литературной газете», я сказала: мы никому ничего не должны. Я готова повторить это и сейчас.